

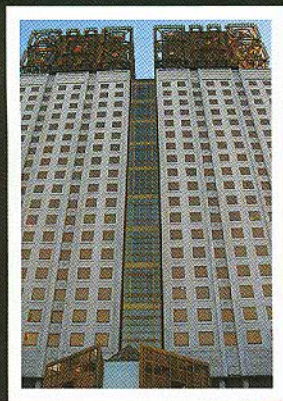
Rail

GO EXPRESS

1
2009

GO RAILI KLIENDIAJAKIRI | ЖУРНАЛ GO RAIL

TASUTA | БЕСПЛАТНО

Esmatutvus
Moskvaga pilvepiirilt

Первое знакомство
с Москвой с высоты
облаков

Meeleolukas kohtumine
suvisel Eestimaa loodusega

Незабываемая встреча
с летней природой
Эстонии

OKSANA
TITOVA
mitmekeelne tants

Многоязычный танец
ОКСАНЫ
ТИТОВОЙ

OKSANA TITOVA MITMEKEELNE TANTS

Johannes Tralla

Baleriin, nüüdistantsija, koreograaf, õppejud. Oksana Titovat kõnetab liikumine kõige laiemas mõttes ja seetttu võib Oksana Titovat mitut moodi kõnetada. Johannes Tralla räägib Titovaga seekord keelest, identiteedist ja Hamletist.

Kõik see, millest teie puhul rääkida armastatakse, baseerub ühel või teisel viisil vastandustel ja mulle tundub, et me ei saa sellest kuidagi mööda vaadata ka täna. Ballett ja nüüdistants, koreograaf ja tantsija, eesti ja vene... jäi mul midagi olulist nimetamata?

Need on ilmselt põhilised vastandused, ülejäänud on vähemolulised. Aga ma usun, et minu puhul oskaks keegi seda loetelu veel pikalt jätkata, sest kogu mu isiksus baseerub rohkem või vähem vastandustel. Aga nimekirja võib lisada ka sellised märksõnad nagu ratsionaalsus ja emotsionaalsus ning eesti ja vene vastanduse võid ümber nimetada Eesti-Vene-Ukraina-Valgeveneks, sest Venemaaga mind peale emakeele palju ei seo.

Kui võhiku jaoks sulavad nüüdistants ja ballett kokku abstraktse tantsu maailma ühisosaks, pole paraku tarvis spetsialisti, et mõista eesti ja vene vastanduse aktuaalsust veel Eesti tänaseski kultuuripildis. Kuidas sa selle vastanduse enda jaoks mõtestanud oled?

Minu jaoks ei ole selles vastanduses kindlasti konflikti. Juhul kui seda käsitleda konfliktina, oleks see seotud tugevate stereotüüpidega. Kuna ma puutun iga päev kokku nii eestlaste ja venelastega, siis tajun neid inimtüüpide järgi, millel pole rahvusega mingit pistmist. Võib kõlada ükskõikselt, aga rahvuse küsimus on minu ringkonnades tähtsusetu, suhtlus toimib hoopis teistel alustel.

Teid on nimetatud integratsiooni musternäidiseks Eestis. Mulle tundub, et Eesti edasise käekäigu huvides on hädavajalik, et te avaksite Oksana Titova integratsiooniprojekti eduloo tagamaad.

Minu retsepti kõige olulisem koostisosa on ilmselt see, et alustada tuleb algusest, ehk lapsepõlvest. Kõik, mida on võimalik üles ehitada, on mõttekas üles ehitada vundamendist, mida varem seda parem. Teisisõnu, integratsioon peaks saama alguse lasteaiast. Ma oleksin kindlasti veel ilmekam musternäidis, kui see oleks ka minu puhul nii läinud. Paraku alustasin alles kümnendal eluaastal, balletikoolis.

Pärast balletikooli tundsite, et olete eestlane valmis?

Ma arvan, et mitte. Esiteks, integratsioon on muidugi selline protsess, mis ei lõpe kunagi, arenguruumi on alati. Ka minu puhul. Pärast balletikooli tuli järgmine kool, Tallinna Ülikool. Õppisin eesti keeles psühholoogiat, sotsioloogiat, filosoofiat ja semiootikat. Vald-konnad, millega ma varem polnud ka vene keeles kokku puutunud, ja nüüd

pidin neid õppima võõrkeeles. Need on ained, mis läbivad humanitaarvaldkonda, mõtlemist tervikuna. Võib öelda, et pärast seda hakkasin eesti keeles mõtlema.

Mis keeles peab tänases Estonia balletitrupis mõtlema?

Igaüks võib muidugi valida, mis keeles ta mõtleb, aga põhikeelteks on eesti ja vene keel. Paraku kaalub vene keel tihti eesti keele üle, kuna trupis on väga palju tantsijaid Valgevenest, Ukrainast ja Venemaalt. Sõprade seas räägime me midagi vahepealset. Oma eestlasest sõbra Daniel Kirspuuga on näiteks tavaline öelda: „Kuule lähme po sööma.“ Või „täna oli nerealno väsitav djen.“

Ja eestlastest tantsijad räägivad hea meelega sellises segakeeles?

Ma arvan, et rõõmuga. See aitab integratsioonimurele läheneda huumoriga, naerda rahvuste- ja keeltevahelise barjääri üle. Sest tegelikult pole ju midagi ületamatut. Meil on trupis näiteks üks jaapani tantsija, kes räägib küll inglise keeles, aga saab aru nii eesti kui vene keelest.

Nii et Rahvusoperi ballett on ülejäänud Eesti rahvast integratsioonis paar sammu, kui mitte terve peatüki, ees?

Ma julgeks küll nii öelda jah. Selles majas pole integratsiooniprobleeme lihtsalt olemas. Ja võib-olla teeb selle omamoodi lihtsamaks ka asjaolu, et nõ balletikeel (liigutuste nimetused) on hoopis prantsuse keel. Seega on tantsurahvas juba algselt teistele keeltele ja kuluuridele väga vastuvõtlik.

Keelest rääkides, nagu tantsuga üldse, seob teid Estonia balletiga mitu tantsukeelt ja -koolkonda.

Jah, tõepoolest. Balletitrupi tantsijana puutun ma väga palju kokku klassikalise balletiga. Samas tantsijast koreograafi rolli liikudes meeldib mulle allutada klassikaliselt koolitatud keha nüüdis-tantsu esteetikale. Loomulikult olen ma selle võimaluse üle väga õnnelik, minu kasutuses on palju tõeliselt andekaid

tantsijaid, kes on valmis mu hullumeelsete ideedega kaasa tulema. Nagu see juhtus näiteks „Hamleti“ lavastuses.

See teie Hamlet oli vist väga kaugel sellest Hamletist, mida hiljuti Shakespeare'i lugenud balletisõber oleks oodanud?

Kuidas võtta. Raamat ja tants on ju väga erinevad meediumid. Kui lavastus ei ole võtnud eesmärgiks raamatut ümber jutustada, võibki see olla täpselt nii kauge või lähedane, nagu iga tõlgenda- ja taju võimaldab. Minu „Hamlet“ oli kindlasti inspireeritud Shakespeare'i teosest. Võtsin endale eesmärgiks luua „Hamleti“ atmosfäär ja tuua välja seal-

et integratsioon on võrdne eksortsismi seansiga. Spekuleerisime, kas integreerumiseks on tingimata vaja millestki loobuda? Lavastuse tulemusena jõudsin ma selgusele, et loobuda pole vaja, pigem on integreerumine uue kihi peale ladumine, seda enam, et elame ajas, kus üha rohkem inimesi nimetab end kosmopoliitideks.

Kui tihti te kiikate Eestist väljapoole?

Viimastel aastatel päris tihti ja seda peamiselt tänu oma tööle. Viimase kahe aasta jooksul olen käinud oma etendustega Moskvas, Riias, Londonis ja Wales'is. Märtsis ootab ees järjekordne Moskva reis, oleme kutsutud „Ham-

se inimsuhete pinget. Tegelikult oleks võinud etenduse pealkiri olla täpsustatud „Hamlet. Sündroom“, kuna vaatesin kontseptsiooni teatava haiguse või viirusena, mida kõik tegelased Shakespeare'i tekstis põdesid.

Keele ja rahvusliku identiteediga on seotud ka teie varasem lavastus „Roots“.

Jah, minu enda Eestiga integreerumine tekitas vajaduse selle üle kunstis arutleda ja vastata küsimusele, kes ma olen. Õigemini, kas selline küsimus on vajalik ja kas sellele on võimalik leida konkreetne vastus. Koos Juhan Ulfsakiga leidsime „Rootsile“ kontseptsiooni,

letiga“ Kuldse Maski festivalile, mis on muidugi väga suur tunnustus nii mulle kui tervele teatrile. Just hiljuti käisin aga inspiratsiooni otsimas Pariisis. Sealised muuseumid ja teatrid pakuvad rohkelt elamusi igale kunstiniimesele.

Teie edasised plaanid tantsu ja muu maailmaga?

Kindlasti huvitab mind jätkuvalt tantsu maailmade integratsioon, ehk minu arvates on ka Rahvusoperi publik ära teeninud võimaluse näha ka selles majas rohkem nüüdis-tantsu. Tunnen teatavat vastutust noorema publiku maitse kujundamise eest. Sellega seoses on plaanis nii mõnigi uus projekt. ●●

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ ТАНЕЦ ОКСАНЫ ТИТОВОЙ

Балерина, исполнительница современного танца, хореограф, преподавательница. Оксана Титова трактует движение в самом широком смысле, поэтому и сама Оксана Титова – фигура многоплановая и разносторонняя. На этот раз Йоханнес Тралла беседует с Титовой о языке танца, самоидентификации и Гамлете.

Все, что о Вас любят говорить, в той или иной мере основывается на противопоставлениях, и мне кажется, что мы никак не сможем пройти мимо них и сегодня. Балет и современный танец, хореограф и танцовщица, эстонка и русская ... упустили что-нибудь важное?

Наверное, это основные, остальные не так важны. Хотя я уверена, что этот список обо мне вполне можно продолжить, поскольку моя личность, так или иначе, основывается на противопоставлениях. Но в этот список можно добавить ещё такие значимые слова, как рациональность и эмоциональность, а противопоставление эстонского и русского назвать по-другому – Эстония-Россия-Украина-Белоруссия, поскольку с Россией меня связывает в основном только родной язык.

Для несведущего человека современный танец и балет сливаются в одну общую часть абстрактного мира танца, и совсем не нужно быть специалистом, чтобы понять актуальность противопоставления эстонского и русского в нынешнем культурном пространстве Эстонии. Как Вы сами понимаете это противопоставление?

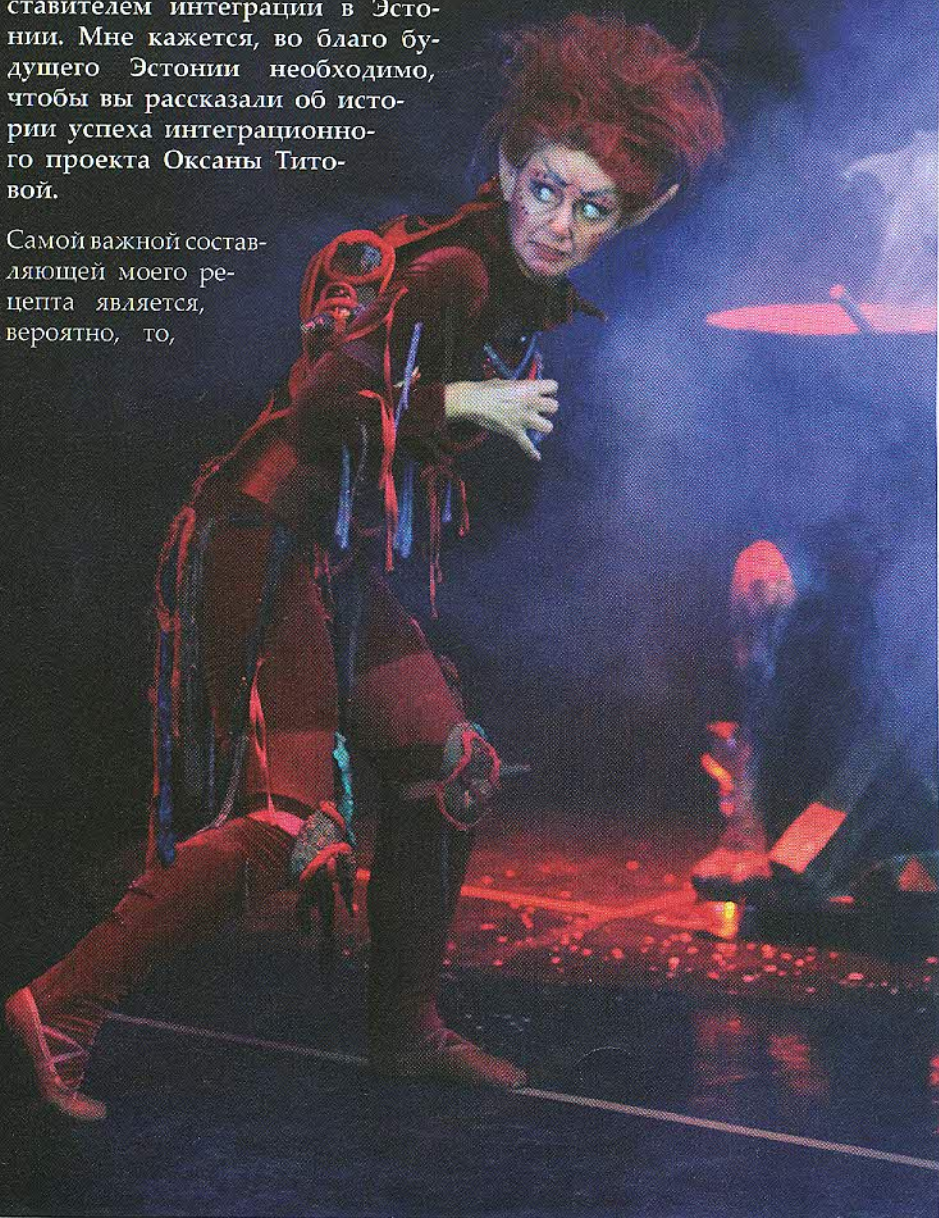
Лично для меня конфликта в этом противопоставлении нет. Рассматривать его как конфликт можно лишь в связи с укрепившимися стереотипами. Поскольку я каждый день соприкасаюсь как с эстонцами, так и с русскими, то воспринимаю их исходя из их принадлежности к тому или иному типу людей, а не из их национальности. Это может прозвучать равнодушно, но вопрос национальности в моих кругах значения не имеет, общение строится совсем на другой основе.

Вас называют образцовым представителем интеграции в Эстонию. Мне кажется, во благо будущего Эстонии необходимо, чтобы вы рассказали об истории успеха интеграционного проекта Оксаны Титовой.

Самой важной составляющей моего рецепта является, вероятно, то,

что начинать нужно с самого начала, то есть с детства. Всё, что можно построить, разумно начинать с фундамента, и чем раньше, тем лучше. Иными словами, интеграция должна начинаться с детского сада. Я, бесспорно, могла бы стать ещё более удачным примером, если бы так со мной и произошло. Но, увы, моя интеграция началась только в десятилетнем возрасте, в балетной школе.

После балетной школы Вы почувствовали себя полностью эстонкой?

Думаю, что нет. Во-первых, интеграция – это процесс, который никогда не заканчивается, всегда есть пространство для дальнейшего развития. Так и в моем случае. После балетной школы в моей жизни появилось другое учебное заведение – Таллиннский университет. Я изучала на эстонском языке психологию, социологию, философию и семиотику – те области науки, с которыми я и на русском языке раньше не сталкивалась, а тут пришлось изучать их на эстонском языке. А ведь это те предметы, которые проходят сквозь всю гуманитарную сферу, охватывают мышление в целом. Можно сказать, что после этого я стала думать на эстонском языке.

На каком языке нужно думать в сегодняшней балетной труппе «Эстонии»?

Каждый, конечно, может выбирать, на каком языке ему думать, но в основном у нас пользуются эстонским и русским. К сожалению, русский язык часто перевешивает эстонский, так как в труппе очень много танцоров из Белоруссии, Украины и России. Среди друзей мы разговариваем на чем-то промежуточном. Со своим эстонским другом Даниэлем Кирсишуу часто можем, например, сказать: «Кууле, ляхме поедим». Или «тяна оли нереально вяситав день».

Танцоры из числа эстонцев охотно говорят на таком смешанном языке?

Я считаю, что они рады пошутить таким образом. Это помогает относиться с юмором к интеграционным заботам, посмеяться над этим барьером между народами и языками. В действительности же, ничего непреодолимого нет. У нас в труппе есть, например, японский танцовщик, который говорит по-английски, но понимает как эстонскую, так и русскую речь.

То есть балет «Национальной оперы» опережает интеграцию остального населения Эстонии на пару шагов, если ни на целую го-

лову?

Я осмелюсь сказать, что да. В этом здании проблемы интеграции просто отсутствуют. Может быть, по-своему ее облегчает и то обстоятельство, что языком балета (названия движений) и вовсе является французский. Поэтому танцоры балета уже изначально восприимчивы к другим языкам и культурам.

Говоря о языках, как и вообще о танцевальном искусстве, с балетом «Эстонии» Вас связывает несколько танцевальных языков и школ танца.

Да, действительно. Будучи артисткой балетной труппы, я очень много соприкасаюсь с классическим балетом. При этом, переходя от танцовщицы к роли хореографа, мне нравится подчинять тело, обученное классическим танцевальным приемам, эстетике современного танца. Разумеется, я очень счастлива, что имею такую возможность, у меня в распоряжении много по-настоящему талантливых танцоров, готовых разделять мои сумасшедшие идеи. Как это, к примеру, произошло при постановке «Гамлета».

Ваш «Гамлет» был, очевидно, очень далек от того «Гамлета», которого ожидал бы увидеть любитель балета, недавно прочитавший Шекспира?

Как сказать. Книга и танец являются разными медиумами. Если постановка не ставит себе целью пересказ содержания, она может быть настолько далека или близка к нему, насколько это чувствует интерпретатор. Мой «Гамлет», вне сомнения, был вдохновлен произведением Шекспира. Я ставила себе целью воссоздание атмосферы «Гамлета» и передачу напряжения существовавших там человеческих отношений. В действительности, более точное название постановки могло бы звучать как «Гамлет. Синдром», так как я рассматривала концепцию в известной мере как заболевание или вирус, которым болели все персонажи шекспировского текста.

С языком и национальным самоопределением была связана также и ваша более ранняя постановка «Корни».

Да, моя собственная интеграция в эстонскую среду вызвала необходимость обсудить её в искусстве и ответить на вопрос, кем я являюсь. Вернее, нужно ли вообще задавать такой вопрос и можно ли отыскать на него конкретный ответ. Вместе с Юханом Ульфаском мы нашли концепцию для танцевального спектакля «Корни», в которой интеграция приравнивается к сеансу экзорцизма. Мы порассуждали и на тему, следует ли в целях интеграции от чего-то отказываться? В результате работы над постановкой я пришла к выводу, что отказываться не нужно, интеграция – это скорее нанесение нового слоя, тем более что мы живем в эпоху, когда все больше людей называют себя космополитами.

Как часто вы заглядываете за пределы Эстонии?

В последнее время довольно часто, в основном, благодаря своей работе. В течение последних двух лет выезжала с постановками в Москву, Ригу, Лондон и Уэльс. В марте ждет очередная поездка в Москву, нас пригласили с «Гамлетом» на фестиваль «Золотая маска», что, конечно, является большим признанием для меня и театра в целом. Совсем недавно ездила за вдохновением в Париж. Парижские музеи и театры вызывают много прекрасных переживаний у каждого человека искусства.

Ваши планы на будущее в части танца и остального мира?

Меня, конечно, продолжает интересовать интеграция танцевальных миров. Мне кажется, что и публика «Национальной оперы» заслужила возможность видеть в этом театре больше современного танца. Чувствую определенную ответственность за формирование вкуса молодого зрителя. В связи с этим в планах работа над новым проектом. ●●